

ГАВРИЛО

МОСЬКА ЛАЕТ.

Польский отряд произвел нападение на нашу границу.

— Ну, куда лезешь, глупая!... Неровен час каблуком на хвост наступить могу.

БЕЗ ЛИФТА.

В целом ряде многих домов Харькова нет лифты.

Петр Фомич хотя дороден,
Но дорогою прямой,
Не боясь высоких сходен,
Двинул прямо на восьмой.

Проскочил второй и третий
И запыхался, как бес,
Проворчав:—Ступеньки эти
У меня сбавляют вес.

А потом—четвертый, пятый...
Пошатнувшись, чуть дыша,
Петр Фомич ползет измятый...
Еле держится душа.

До шестого и седьмого
Добирается ползком,—
И из тела молодого
Дух исходит на восьмом.

Завершилась злая драма
Все узрели, как, дрожа,
Прет Фомич на небо прямо
От восьмого этажа.

ЖУКОВСКИЙ

— Этот рабкор вот где у меня сидит.

Роковое сходство.

В Швейцарии один немец путешественник был арестован по обвинению в том, что он—Троцкий.

— Как живой—докладывал де-журному жандармскому офицеру бра-вый унтер.—Очки, борода и мрачный, чертовский взгляд. Как посмотрел я на него, так и закрыл глаза от страха.

— А как он, по немецки говорит?

— Как кровный шваб. Только услышал, так и понял, что он и есть Троцкий.

— Приведи его сюда...

Арестованный деловито, с достоинством, занял предложенный ему стул. Один взгляд и наметанный глаз жандарма безошибочно определил, какую крупную птицу он держит в руках.

— С какой целью вы прибыли в Швейцарию, гражданин?

— Мимоходом, я путешествую по всей Европе...

— Как ваш взгляд на международное положение и позицию Швейцарии?

— Ваш сбыт сыра в этом году обеспечен—спокойно сказал немец. Голландский перед вашим пас, его никто и в рот не берет.

— А как вы насчет посылки помощи китайцам. Голосовали „за“?

— Как хотите, посылайте, я не возражаю. Подняв руку, немец спокойно голоснул.

— Как ваша настоящая фамилия?

— Брейтенштейнер.

— Кажется так—спросил офицер у унтера.

— Так—ответил тот—Бронштейн.

— А Троцким вы давно имену-етесь или только с сегодняшнего дня? (в словах жандарма сквознула жуткая ирония).

— Только с сегодняшнего дня, если вы так хотите, до сих пор никогда не именовался.

— Так вот вы арестованы по обвинению в том, что вы Троцкий.

— Слава богу—прошептал набож-ный немец,—хорошо, что только Троц-кий, а не Зиновьев, Сталин или Чи-черин.

— Я не признаюсь,—добавил он вслух,—преступление слишком боль-шое, чтобы сразу ответить...

К счастью немца, в вечерних га-зетах сообщалось о прибытии Троц-кого в Москву и он был освобожден.

— Чего же вы не уходите? спро-сил его жандарм.

— Жалко порывать с таким гром-ким прошлым. Хоть день бы великим человеком подержали, жалко вам, что ли?

Но его выгнали. Еслибы в эту ми-нуту в руки жандарма попался на-стоящий Троцкий, он изгнал бы его по подозрению в брейтенштейнерстве.

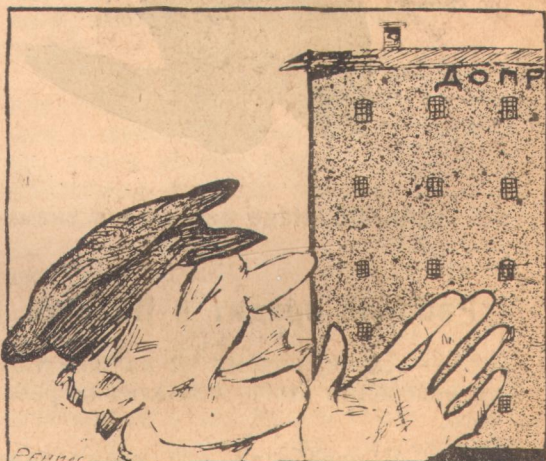
Де-Ка.

Французы в Марокко.

— Хозяин, за мной!...

— Здесь не фронт г. лейтенант..

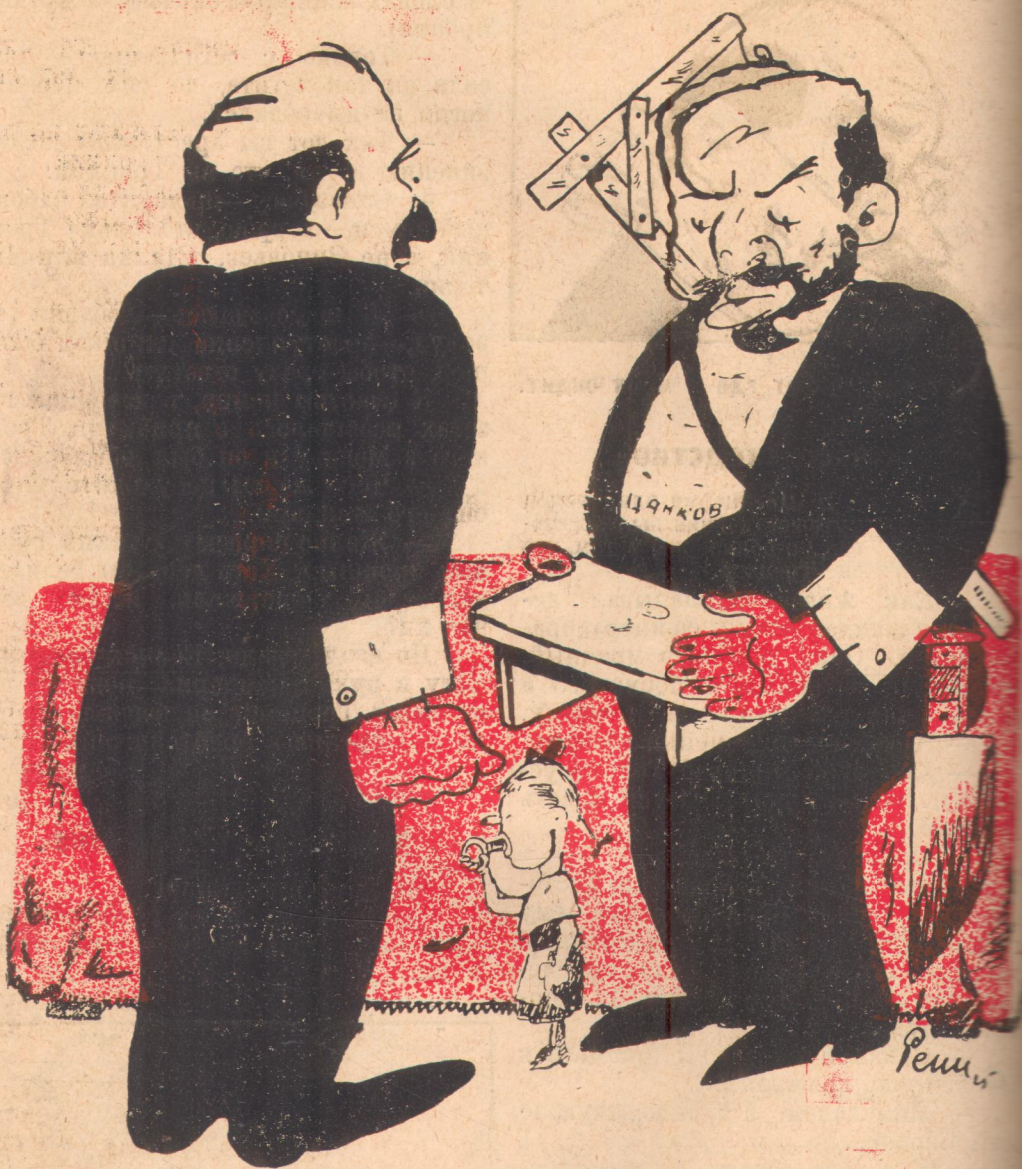
— Не, то я на счет того, чтобы в долг...

— Этот зав вот где у меня сидит.

ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОДРОБНОСТЬ.

В Болгарии передается суду много детей коммунистическую агитацию.

ЦАНКОВ. Надо переделать скамью подсудимых по такому размеру.

Рабочий кредит в Польше.

— Антек, почему ты за пол марки освободил этого пся кревна рабочего.

— Я освободил его месяц тому назад за 10 марок, с рассрочкой на 5 месяцев.

Безвыходное положение в дефензиве.

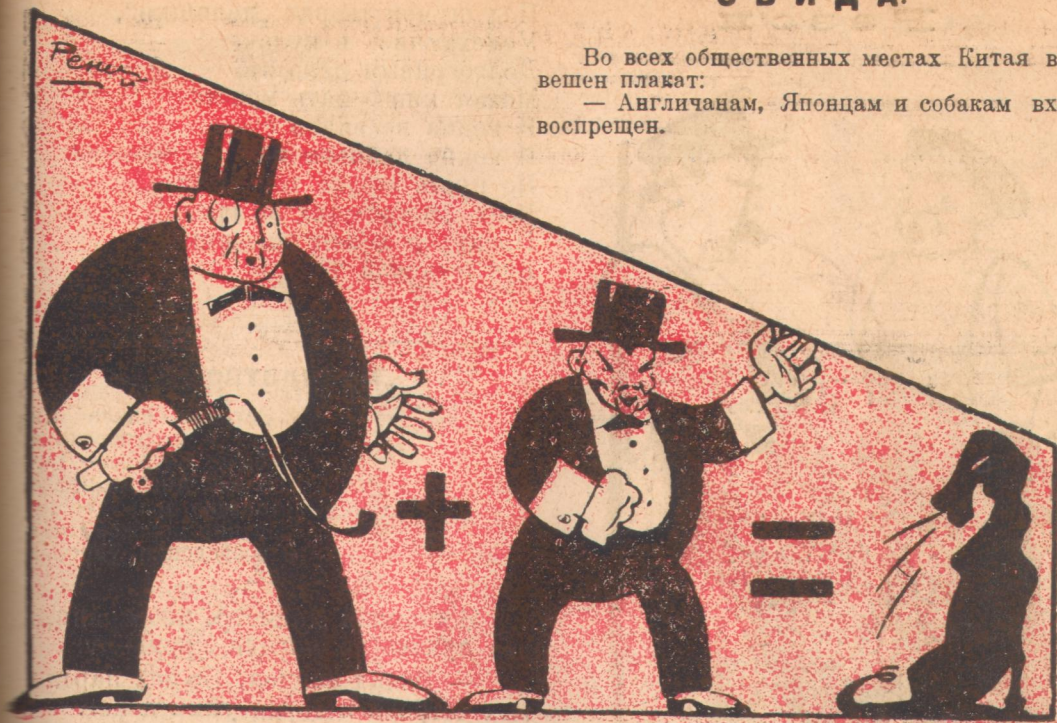
— Слушайте Франц, да вы по ошибке избили провокатора.

— Не было выхода, г. поручик. Из пяти арестованных четыре шпаны и один переодетый полицейский.

О Б И Д А.

Во всех общественных местах Китая вывешен плакат:

— Англичанам, Японцам и собакам вход воспрещен.

СОБАКА: Такая арифметика для меня очень оскорбительна.

Как это было.

Обыск в вещах т. Доссера был произведен в его отсутствие при участии русских белогвардейцев.

Начальник полиции нахмурился.

— Ты говоришь, что перерыл все вещи и ни черта не нашел?

— Так точно, ваше благородие, — отрапортовал полицейский — осмотрел все до нитки. Да там и вещей, как вот наплакал: ручной чемоданчик да зонтик.

— Все равно, пойдя и обыщи еще раз.

— Но, ваше благо...

— Молчать! Каждый коммунист имеет при себе что-нибудь подозрительное: не письмо от Зиновьева, так мандат от Коминтерна. Понимаешь?

— Никак нет.

— Тьфу, дубина! Одним словом — ступай и ищи до тех пор, пока не найдешь, что следует.

— Ну что, нашел?

— Так точно. Холодное оружие.

— Ну вот видишь. Давай сюда.

— Извольте. Перочинный ножик-с.

— Ду-рак!!! Эй, Деревянкин! Помоги этому идиоту обыскать вещи задержанного коммуниста.

— На какой предмет, господин начальник? — гаркнул молодцеватый полицейский.

— Насчет уличающих документов или в рассуждении оружия?

— И то и другое.

— Из документов, что найти прикажете: мандат, письмо, удостоверение?

— Волоки все.

— Оружие — для личного пользования или вооружения народных масс?

— Сообразуйся сам. С богом.

— Слушаю-с! — и лихо щелкнув каблуками полицейский агент удалился.

— Молодцы эти русские офицеры, — глядя ему вслед, подумал начальник, — любому английскому шпику сто очков вперед дадут. Клад, а не работники. И он не ошибся.

Полчаса спустя, в вещах тов. Доссера было найдено: большая, перевязанная голубой ленточкой, пачка „писем Зиновьева“, ручная граната с надписью: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“, отравленный кинжал, мандат Коминтерна, четыре пуда пирокселина и два пулемета...

Ибо сказано есть в писании: „ищите и обряцете“.

И верно.

Сергей Чмелев.

— Не подпирай стенку. Она не упадет.
— Но я м... могу упасть.

Конец света.

По деревням Н.-Бугского района переходят из рук в руки „Вести из Вифлиема и Иерусалима“, в которых сказано, что через шесть дней „начиная с сего числа“, наступит конец света.

Попы ходят именинками, так как прекрасно подрабатывают на „панихидах во спасенье“. (Из газет).

Всполошилось население Ново-Бугских деревень:
„Будет светопреставление.
На седьмой от ныне день!
За грехи в аду крошечном
Будем все в смоле кипеть.
Горе, бабоньки, нам, грешным!
Хоть бы к батюшке поспеть“...
Достают, тая тревогу,
Все последние гроши:
Помолиться надо богу
Во спасение души.
И несут попу излишки.
Поп—и иже с ним—кулак

Под шумок творят „делишки“,
Усмехаясь в кулак.
Долгогривым дело это
Может много дать монет:
И конца не видно света,
И конца даяньям нет.
Но пусть это не тревожит
Всех, „погрязших во грехе“.
Прокурор конец положит
Вифлеемской чепухе.

Н. Хм.

„Арендаторы“.

Эстония сдала глины в долгосрочную аренду острова—и Эзель. Англичане представлено право обложения морской торговли и возведения укреплений.

Эстонский министр иностранных дел лукаво подмигнул премьеру:

— Видал-миндал? За два паравых острова и такая уйма денег.

— А вы хоть задаток-то получили?—забеспокоился премьер. Англичане ведь мастерица на всякий шахмахер.

— Уж будьте уверены; не на немецкого напали. И знаете что? Они хотели только один остров заарендовать, а я им и второй всучил. Лови Хе-хе.

— Сами с усами, значит? Это рошно. А что же англичане на этих идиотских островах делать будут?

— А всякую чепуху. Морскую базу, укрепления. Вообще эта Англичане суший ребенок: где увидит скалу или, скажем, прибрежный камень, наворит там пушку поставить еще что-нибудь смастерить.

— Ну, а нас они того... не будут как-нибудь стеснять?

— Что вы! Полный суверенитет над этими островами принадлежит нам. Мы—хозяева, а они только арендаторы. Понимэ.

— Прекрасно. В таком случае мы под прикрытием английских пушек будем жить, как у Христа пазухой.

— Вот именно!

* * *

— Смотрите, у англичан, кажется сейчас будут маневры.

— Да? Любопытно.
— Впрочем, позвольте... почему это жерла пушек поворачиваются в нашу сторону?

— Гм... в самом деле..
— И суда подходят к нашему берегу.

— Странные маневры!

— И морская пехота выстраивается и направляется к нам.

— Но договор... суверенитет?}

— Глядите, выходит парламентар и что-то кричит.

— Господи Иисусе! Я не верю своим ушам. Эта рыжая обезьяна кричит, что если мы хотя-бы пикнем, то вся Эстония будет стерта в порошок и развезена по ветру...

— Каррраул...

— Тише, вы! Это надо было кричать значительно раньше, а теперь — все кончено.

— Вот так клюква!

— Да, доторговались, нечего сказать.

И, обнявшись, министры долго плакали друг другу в жилеты.

Смеркалось.

Гарри Бальди.

Верный путь.

Французское правительство принимает решительные меры для поднятия падающего франка.

ПЕНЛЕВЕ. Вот таким образом я достигну экономического равновесия.

Глаз на Донбасс.

В жилпомещениях рабочих 28-29 Боковск. рудоуправл., во время дождя полно воды. На просьбу рабочих сделать ремонт, так как там ни сидеть ни стоять нельзя, кварт. десятник Костюшко ответил:

— Спать можно стоя на ногах!

(Луг. Пр.)

С помещением плоховато — Струбил, и ваших нет.

Во... задумались ребята:

Почему такой ответ?

Вывод прост, десятник строгий,

Баль взглянуть, таков на вид:

Уши врозь, дугою ноги,

И как будто стоя спит“.

Кузнецы и молотобойцы Ворошиловского госзавода просили им выдать вместо брезент. рубашек, режущих тело, мягкие рубашки. но охрана труда сказала: Нечего нежничать, надавай что дают!

Рабочие отказались совсем от рубашек и работают в костюме Адама.

(Кочегарка).

Жить с такой охраной—драма

И не каждому под стать.

Этак и костюм Адама

Спецодеждой может стать.

Мы же скажем без натяжки,

Устремивши очи ввысь:

Без «смирительной» рубашки

Тут никак не обойтись.

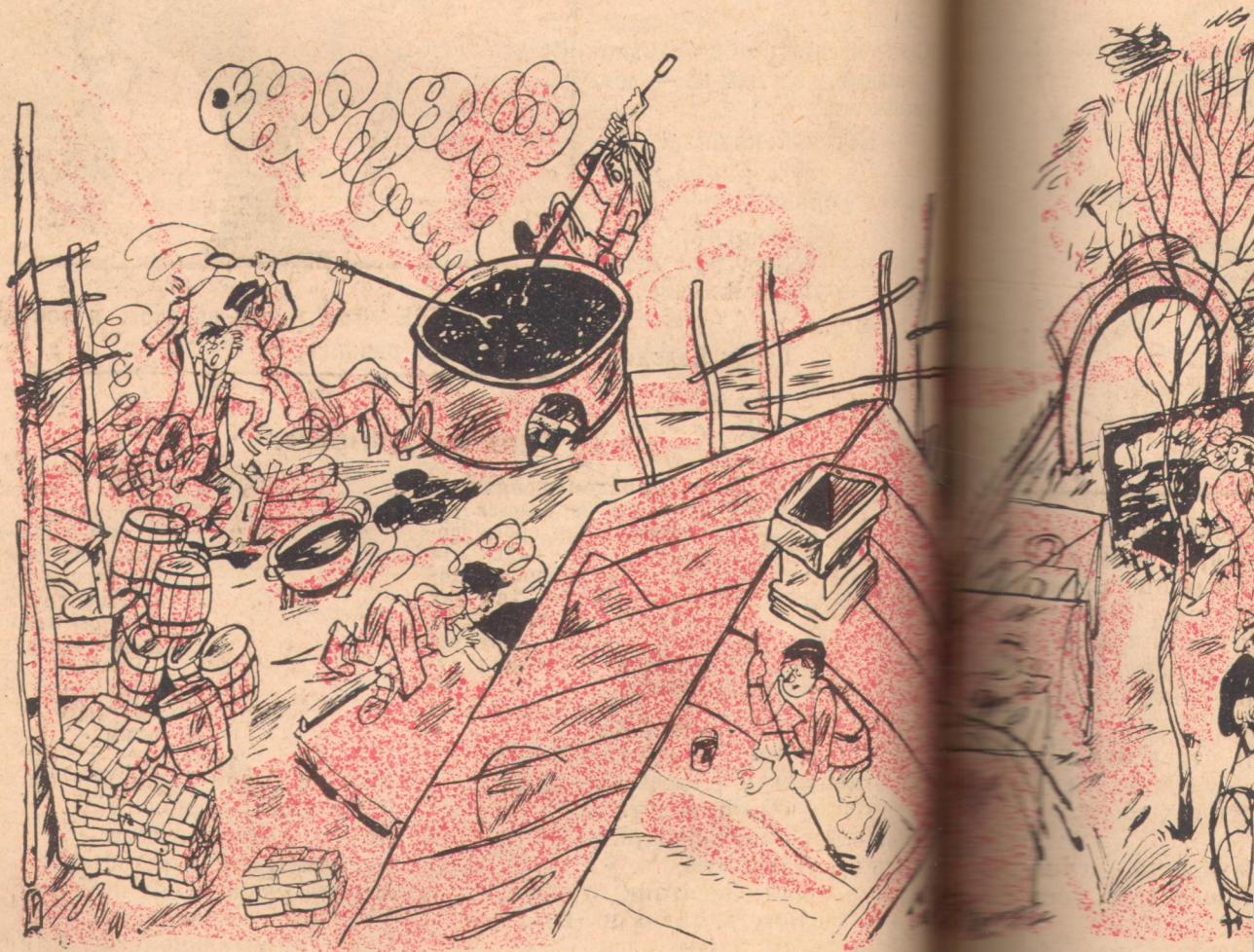
Т—з.

Строительные прелес

Режет воздух грохот хлестко,
Вонь и копоть бьют, как бич...
На затылок льет известка,
В темя сыпется кирпич.
Мостовая под асфальтом
Разлилася в три ручья...
На лесах заводят альтом:

„Катю-тю-шечка моя“.
А под ними, щуря очи
Жрут на воле непачи,
И насилуют, что мочи
„Баядерку“ скрипачи.
Я гляжу с усмешкой злою...
И судьбу свою кляню..

Бак ограню
Так и т...
Режет хлестко,
Вонь и копоть бич...
На спине...
А на т...
ХЛОТ.

е прелес

я".
чи
и,
чи
и.
й злою...
чу..

Бак ограню

Так и тму...

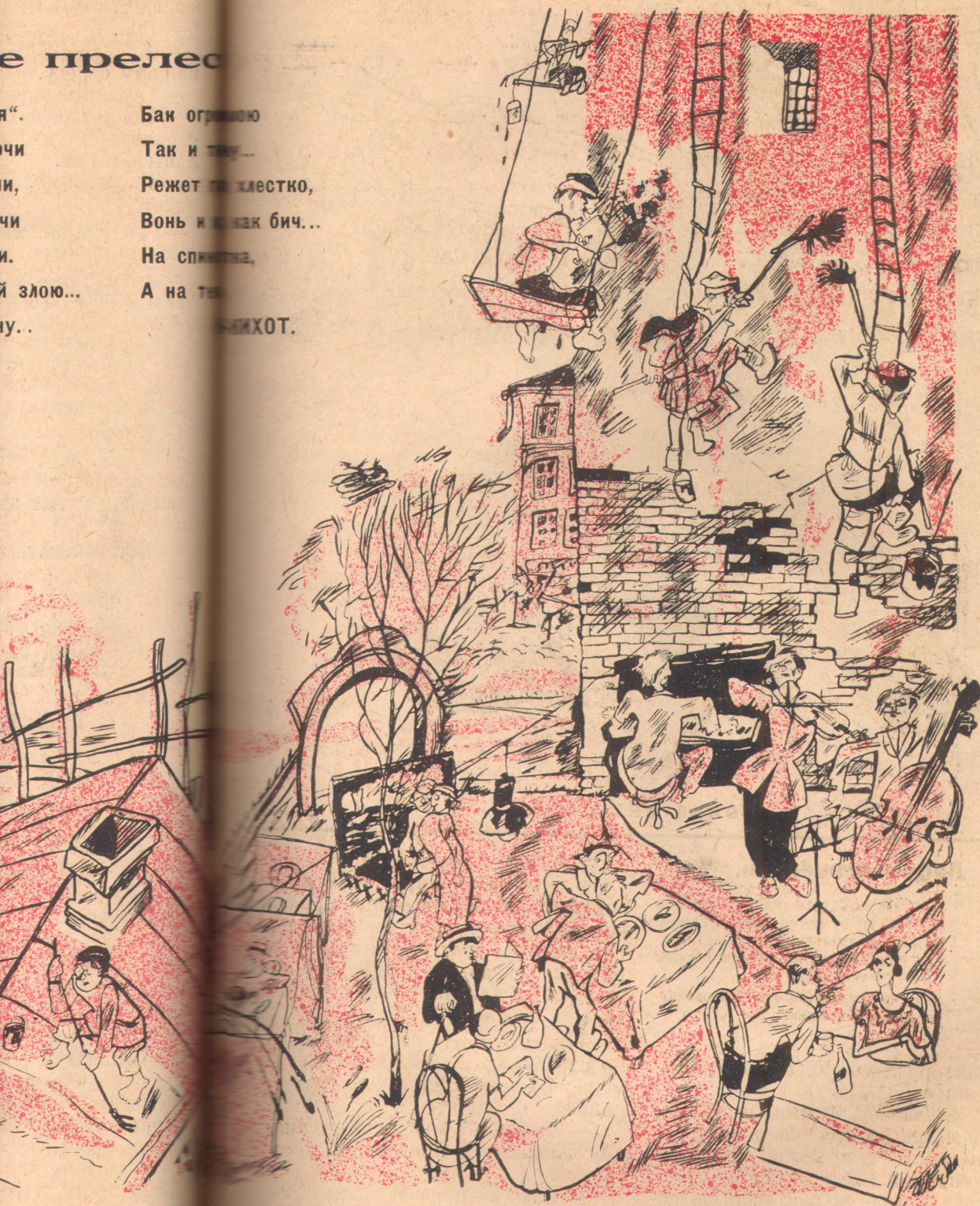
Режет так хлестко,

Вонь и так бич...

На спинах,

А на тв

ХОТ.

Песня без слов.

Лицом к океани.

На совещаниях работников печати отмечено, что отделения, открытые многими издательствами, часто бесполезны и убыточны.

Из неудачного опыта провинциальной редакции.

* * *

Редактор газеты „Кобелякское Знамя“ крикнул.

Это случилось с ним редко, по двум поводам: когда он ничего не мог придумать или когда придумывал что-нибудь.

Вызвав к себе завконторой, он отрывисто спросил:

— А как подписка на февраль?

— 1844 экземпляра, включая коллективную по крупным предприятиям как-то: сельбуд, аптека, почтальонтора, кроме доктора Спивака, который на февраль не подписался за то, что его объявление было завершено на 4-ой странице.

Нужно открыть отделения по пространению „Кобелякского Знамени“ во всех крупных центрах. Поняли?

— Понял, но в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве есть, остается Одесса.

— Одесса—плевать, для Кобеляка это не центр. Послать людей и

Все в порядке.

Французские войска
очищают Рур.

зкрыть отделения на островах Таити, Папуа и Фиджи, в Океании, туда еще наша пресса не проникла и Кобелякский пролетариат должен первый протянуть руку беднейшему крестьянству этих заброшенных островов. Поняли?

Завконторой, по счастью, знал географию и понял.

* * *

Через два месяца пришла первая сводка из новой периферии.

При стихийном сборе сотрудников редактор начал читать:

„Ваше превосходительство, господин редактор газеты „Кобелякское Знамя“.

Все триста ваших газет разошлись, но туземцы совершенно не понимают новой орфографии. Кроме того, есть справедливые указания на то, что их корреспонденции залеживаются в портфеле редакций и в газете слабо освещается быт свайных сооружений. В виду всех этих обстоятельств ваш представитель убит туземцами. Пришлите другого.

С почтением губернатор островов Таити и Папуа Джек Джексон“.

И другое: „Господин редактор.

Ваш представитель организовал рабковский кружок из дикарей, бели которого государству неизвестны. Также непонятны ваши передовицы, где вы пишете о каких-то „Оавуках“ и „Южопсах“. Во всех известных энциклопедиях эти слова обнаружить не удалось. Однако, не беспокойтесь — тираж полный. Все 200 газет и агент разошлись. Газеты по туземцам, а агент по их желудкам.

Взбешенные неправильными сведениями о погоде, сообщенными Кобелякской гособсерваторией, туземцы,

— Сегодня же надо очистить город.

— Слушаю-с. Очистим... Щепочки даже не оставим...

не изжившие вполне религиозных предрассудков (до сего времени, как известно, ели миссионеров), с'ели вашего представителя Исаака Бравермана.

Его скальп и жилетку, оказавшиеся нес'едобными, прилагаю к сему.

Наместник Фиджи и Соломоновых островов Гаспар Бульдог“.

Так, — сказал редактор, — отделения „Кобелякского знамени“ в Ленинграде, Москве и Харькове придется закрыть и опыт с периферией в целом признать неудачным.

От этих людоедов в Кобеляках дышать нельзя.

Клык.

Ж а р к о !

Гигантские шаги цивилизации.

По улицам Лондона бегали газетчики и выкрикивали:

— Зверское издевательство над полковником Бриенстоном. Англичанин в руках варваров. Нечеловеческие пытки. Средневековая жестокость.

Любопытные прохожие выхватывали у газетчиков экстренные телеграммы и, захлебываясь, читали подробности.

А в это время...

Один из мучителей полковника Бриенстона стоял перед столом военного следователя. Следователь производил допрос.

— Привязывали полковника к столбу?

— Привязывали.

— Ах вы, сволочи... Били

— Били...

— Прикладами? По голове?

— Розгами...

— В двадцатом веке? Розгами

Ах вы, негодяи! Кто присутствовал

— Не знаю.

— Эй, Джон, ударь ему по скулам резиной. Кто присутствовал

— Не знаю.

— Лей ему в рот воду через ронку. Сознawайся, мерзавец.

— Мухтар-Бей был...

— Хорошо-с. Мы вам показывали, как издеваться над личностью человека в двадцатом веке. Розгами. И деть на негодяя смиренную башку.

КУРОРТНОЕ.

— Доктора говорят, что мне нужна грязь на месяц. Неужели целый месяц нельзя будет умываться?

* * *

Через месяц по улицам Лондона опять бегали газетчики и выкрикивали:

— Зверское издевательство над полковником Фордом. Полковник в руках повстанцев. Неслыханная жестокость.

Прохожие покупали телеграммы, читали, возмущались...

А в это время...

Перед следователем стоял главарь. Следователь производил допрос:

— Били полковника мягкой резиной по мускулам?

— Били...

— Воду в рот через воронку наливали?

— Наливали.

— Ах вы, мерзавцы. Джон, пусти им электрический ток под кожу. Кто зачинщик?

— Не знаю.

— Джон, поставь ему на голову электро-возбудитель. Я вас научу как обращаться с англичанами. Я вас отучу применять средневековые пытки.

* * *

Перед смертью, у виселиц, первый и второй повстанец встретились.

— Европейцев не перегонишь, — сказал один другому.

— Дикари мы, — сознался второй. Где уж нам идти в ногу с цивилизацией...

Дед Глаз.

ИЗ ДОМА ОТДЫХА.

— Господи. Думала, что ты в отдыхательном доме поправишься, а тебя арапом сделали...

Физкультура.

Пожилая дородная женщина встречается со старушкой, степенно семенящей с узелком в гороховом платочке.

— Здрассьте, Микитишна! Откеле плоть несете?

— Ох-хо-хо! Ходила вот, за своєю Сеньку свечку ставила...

— А что он заболел разве?

— Кажись, заболел... Цельный день сидит, сердешный, и у транбон дует. Скажешь, бывало: перестань, Сень, на трубе дудеть, чтоб она у тебя лопнула, проклятая! Не видишь, оглаед, поросятки пужаются?

„А что, — говорит, — тебе дороже: сын родной али свиньи животные? Может, я на тот год трубочом буду. Может, мне у тиятрах рядом с барабанщиком сидеть придется, а?“. И в кого пошел, ирод этакой?! Учиться ему — не хочется, в папиросники иттить, либо, там креммазь продавать — скесняется... А какой с его артист? Так только — воробцов гонять...

— И-и, матушка, ежели горобцов, так то еще ничево-о! Мой вот Гаврюшка сам изгонялся весь ни на что: один нос торчит, да и тот курносенькой! В ногах способность ему дадена: не успел с утра чаю попить — уже, смотришь, свой лисапед накачивает. А как сел — так до вечера, не пимши, не емши, и зальется. А куда ездит — хоть и не любопытствуй. Стремлюсь — говорит — для оскорбленных чувств уголок найти. А кто ж, спрашиваю, оскорбляет тебя, сынок? „Давот — говорит, — вы меня, маменька, круглые сутки пиликаете, а, опричь того, среда меня ваша заедает“.

— Заедай тебя, говорю, от субботы до субботы, а за какой ты трипогибелью гоняешься? Жив, что ли, не будешь, как один день не подрыкаешь? Ой, смотри, докатаешься, пока ноги дугой поскрючит! „Смотрите, — говорит, — маменька, чтоб у вас от энтих слов языка не скрючило, а насчет моей комплекции будьте благонадежны.“

— А-а! — говорю, — вот ты как? Материнских ласков не понимаешь? Ладно! Слезай обратно, говорю, пока вот этой педалей рожу не наквасила!

— Ну и что-ж он? Слушается?

— Бывает бросит он свою калку, ан моргнуть не успеешь, в фунтбол ляпать убог... Чтоб думали, бабочка, носится по полям чартыло, ажно земля гудит, и мячом — бац! бац! Не досадно-б ногам а то все, шельмец, башкой норовит. Как цокнет по мячу макушкой, камера в середине по живому и лопається! Рази с отаким кумом в игру играть, — ему-бы где в пекло колом стоять!.

Уж я и башмаки прятала, а хоть бы что! Обвернет ноги тряпкой и чешет себе мячом по соседним окнам. Вон, вчерашний день, у фнутьевны два стекла вылу, вводит сынок в расходы, дай здоровья.

„Не жалеите, — говорит, — мам для моей хвискультурности, пот закалка етово требует!“. Эх, говорю, жаль, здоровый обалдуй вырос, а сняла-б штаны — закалила-б за почтение!.. Словом, пока этих паников выкохаешь, ни сухой кровинки не останется.

— Ох, и не говорите, голубо! За ихними салтамортальями дохнуть нонче невозможно... Ну, а тем — досвиданьяца! Поплетуся!

Старушка строго поджигает и ковыляет дальше.

Эск

Наши успехи.

(Тарановский паноптикум).

Вот, говорят, мало у нас лається для культуры. Нет му паноптикумов. А ведь — ошибка! Правильно! Сколько хотите развешивать у нас этих самых культурных учреждений. Так сказать, сами из за прут.

Возьмем, к примеру, Тарановский больницу.

Что в ней особенного? А представьте себе, благодаря стараниям главврача Ясногородского, больнице вырос замечательнейший рассадник знаний — паноптикум из лучших патологических экземпляров. Мы, конечно, из весьма понятия скромности, не можем хвалить доктора Ясногородского. Пусть о нем говорят его дела, увековеченные мешаемой ниже выпиской из каталога созданного им паноптикума.

Каталог паноптикума Тарановской окружной больницы.

№ 1. Летучий аппендицит.

Селянка Демченко. После вскрытия живота на предмет ликвидации аппендицита, доктор Ясногородский обнаружил коварное исчезновение последнего. Демченко лежит месяц с гноящейся раной, а аппендицит все еще не разыскан.

№ 2. Девять молодых зубов.

Даниил Розвалюк, трехлетний мальчик. Зубы изъяты для паноптикума по случаю слишком большого расширителя, примененного при операции лицевого нерва доктором Ясногородским.

Операция извлечения длилась два часа. Сначала зубы характерно хрустели, потом выпал один, расширитель не унимался, выпал другой, третий и так далее—до девятого зуба.

№ 3. Странствующий мочевой пузырь.

Селянин Мардук. Ему резали грыжу. Вдруг возьми и подвернись

этот самый пузырь в виде белой кишки.

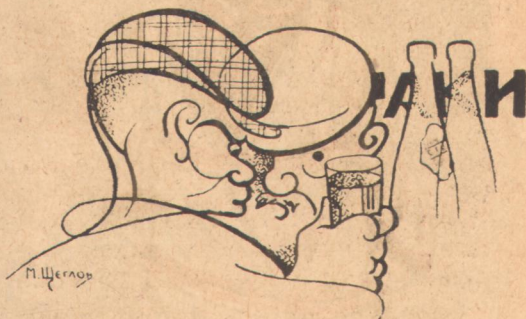
— Что это? — спрашивает доктор Ясногородский.

— Наверное какая-нибудь прямая кишка! — отвечает ассистент, доктор Перцев.

— Сейчас узнаем.— Доктор Ясногородский храбро берет манжет...— Чик,—и кишка сверху до низу вскрыта. А тут возьми и окажись в ней моча.

Остальные экспонаты—частью на кладбище, частью еще не изготовлены.

Яков.

Французский министр
финансов КАЙО.

Я, министр финансов Франции, Кайо, прошу
убедительно, чтобы у вас в журнале

ГАВРИЛО

меня не трогали.

Сами посудите: жена, дети, кушать-пить
надо, а вы на меня мораль пускать соби-
раетесь. Не надо!.. Умоляю вас!

* * *

И на кой ты ляд нам сдался?

И без тебя товару много!

Я, Гаврило,

на то и существую на Украине, чтобы
пробирать свою шантрапу и нечисть всякую.

Меня потому и любят здесь наши бра-
тишки рабочие, что я, во-первых, интере-
суюсь перво-наперво житьем-бытьем рабочих,
а, во-вторых, люблю пошутить, побалагурить
и воопче...

Недаром говорят обо мне:

Прочитал Гаврило,

Враз от смеха разморило

И всего на всего за сорок копеек в месяц.

ГАВРИЛО.

Представители европейских держав в Китае
заявили, что Китай должен заслужить изме-
нения неравноправных договоров.

ЕВРОПЕЕЦ. Стой смирно, и научись уважать мои права так, как я уе-
жаю твои.

56330

Укрголовліт № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б.)У. „Коммунист“. Зак. № 5502.

Тир. 6.000.

[8-7 (05), (47714x), 1925'4].

Цена 20 коп.

5245